

3.2. Управление публичной политикой в условиях активизации альтернативной власти: прецеденты и проблемы

Если понимать публичную политическую власть (ППВ) как результат выбора, который делает *большинство* в обществе на основе предложенных управляющей группой альтернатив смысловых политических кодов по итогам постоянно проходящего политического дискурса между элитами, группами общественности в СМИ, в социальных сетях, в результате парламентских и президентских выборов, то альтернативная публичная власть (АПВ) предстает перед нами со своим набором смысловых политических кодов, выбранных в данный момент *меньшинством* в обществе, чьи интересы также представлены отчасти в парламенте, а также в прессе, в сетях — словом, в публичной сфере.

Альтернативная публичная власть плюралистична, рассредочена среди групп политиков, интеллектуалов, экспертов, журналистов, общественности — лидеров НКО и других структур гражданского общества, может быть оформлена или не оформлена как отдельный институт политической оппозиции в виде партии или движения, но всегда содержит иную — альтернативную истеблишменту риторику, альтернативный взгляд на текущую политику — альтернативное общественное мнение. Ее главный инструмент — критика. Ее ресурс — инакомыслие. Ее цель не обязательно приход к власти, но сохранение публичного пространства для свободного высказывания различных точек зрения на проблему, для постоянного дискурса о наилучших путях развития общества, влияние на общественное мнение, возможно, с целью изменения текущего политического курса, стратегии развития страны.

Смысл публичной политической власти не в том, что одни социальные группы силой навязывают свою волю другим, а в том, чтобы умерять столкновение социальных сил, создавая социальный порядок в обществе ради общего блага. Таким образом достигается «консенсуальная реальность». В психологии этот термин обозначает такое описание реальности, в отношении которого достигнуто общее соглашение между людьми (осознанное или неосознанное). Публичная политическая власть устанавливает цивилизационные рамки разрешения конфликтов между социальными группами и, выражая стремление большинства членов этого общества к гражданскому миру, не только гарантирует интересы социально сильных, но и защищает интересы социально слабых. Публичная политическая власть, как правило, избирается обществом прямо либо через его

представителей, но имеет еще «группу поддержки» в виде интеллектуалов и журналистов (табл. 1).

Таблица 1

Субъекты публичной политической власти

Публичная политическая власть		
Президент, главы республик, губернаторы краев и областей, депутаты, избираемые народом или его представителями	Политические назначенцы в органах государственной власти, приходящие в нее вместе с публичными политиками	Доминирующая в обществе (в парламенте) политическая партия или коалиция партий, пользующаяся поддержкой в обществе
Политическая экспертократия и медиакратия, формирующая общественное мнение («фабрики мысли», известные политологи, политические журналисты и т.д.)		

Публичная политическая власть распределяется неравномерно. Больше всего ее у публичных политиков, политических чиновников и партийного большинства. Что же касается доли власти экспертов и журналистов в ней, то она сильна в моменты необходимости построить рациональный проект развития страны или подготовки к нему общественного мнения, а затем она ослабевает, но без экспертов и журналистов публичная политическая власть не обходится. Мишель Крозье назвал власть экспертов переходной. Как только политикам в периоды неопределенности нужно осмыслить экономические и политические явления и на научной основе составить план действия, тут их власть неоспорима, затем власть переходит к тем, кто принимает политические решения.

Если публичная политическая власть опирается на государственный аппарат и большинство проголосовавших за нее избирателей, то альтернативная публичная политическая власть, которую до поры признает меньшинство в обществе, опирается на самодеятельные самоорганизующиеся структуры, независимые от правительства СМИ, соцсети (табл. 2).

В кризисные для политической системы моменты она имеет свойство группироваться, объединяться для протеста независимо от принадлежности к различным политическим группам и социальным движениям, объединенным одним смысловым кодом. Например, во время выступлений общественности на Болотной площади и на площади Сахарова в 2011–2012 гг. «За честные выборы!».

Таблица 2

Субъекты альтернативной публичной политической власти

Альтернативная публичная политическая власть		
<p>Политические и общественные движения и организации, фракции разного толка, исповедующие альтернативную истеблишменту (за что-то иное) или прямо оппозиционную точку зрения (против того, что провозглашают правящие круги, частично присутствующие в представительных органах власти)</p>	<p>Популярные политики, лидеры мнения в различных областях общественной и культурной жизни, исповедующие другую точку зрения на текущую политику</p>	<p>Неправительственные и некоммерческие организации, СМИ и соцсети, выступающие с альтернативных позиций, не поддерживающих истеблишмент</p>
<p>«Фабрики мысли», известные политологи, политические журналисты альтернативисты</p>		

В защиту этой позиции можно привести ряд давних и совсем свежих примеров. В истории России был период двоевластия, когда в течение нескольких месяцев 1917 г. государственная власть находилась в руках царя, а затем Временного правительства, а альтернативная публичная политическая власть принадлежала Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В конечном счете Советы взяли верх и над монархией, и над Временным правительством.

В 1992–1993 гг. в советской России случился казус, когда публичная политическая власть разделилась: представительная власть оказалась в афронте к исполнительной власти и институту президентуры страны. При этом альтернативная публичная власть также поделилась на два лагеря — в поддержку или в противовес той или иной ветви власти. В 1992 г. был создан Фронт национального спасения (ФНС)¹, куда вошли представители различных политических сил, как правых, так и левых (от республиканской партии Н. Лысенко), кадетов (М. Астафьев), христианских демократов (И. Константинов) до коммунистов (А. Макашов) и национал-патриотов (А. Стерлигов), которые осуждали Б. Ельцина за развал Советского Союза и выступали против либерального курса Е. Гайдара. Кстати, ФНС возник из Народного фронта, идея создания которого появилась в апреле 1988 г. на собрании ленинградских неформальных дискуссионных клубов «Перестройка» и «Альтернатива» при Василеостровском райкоме ВЛКСМ.

И напротив, для поддержки политического курса президента России Б. Ельцина в 1993 г. на основе организаций демократической ориентации, выступавших за политику радикальных реформ, был сформирован праволиберальный блок «Выбор России» под председательством правозащитника С. Ковалева. В его состав входили: Е. Гайдар, Г. Бурбулис, движение «Демократическая Россия», партия «Демократическая инициатива» (П. Бунич) и Крестьянская партия России (Ю. Черниченко). В основу идеологических установок «Выбора России» были заложены принципы либерализма и развития рынка, частной собственности. После расстрела из танков верными Б. Ельцину войсками Белого дома, где заседали депутаты Верховного Совета РСФСР, в октябре 1993 г., победили сторонники радикальных реформ и противники КПСС и Советов. Съезд народных депутатов РСФСР был распущен. ФНС вскоре распался из-за внутренних противоречий. Вновь созданный в мае 2011 г. ФНС уже является альтернативой «диктатуре В. В. Путина» и Всероссийскому народному фронту под его руководством.

Свежий пример. 15 июня 2015 г. председатель социально-либеральной по своей сути партии «Яблоко» Сергей Митрохин заявил в оппозиционной политике Кремля «Новой газете», что Григорий Явлинский будет выдвигаться кандидатом в президенты в 2018 г., и подчеркнул, что он «будет бороться за электорат политической альтернативы»². При этом руководитель партии сослался на Меморандум политической альтернативы, который состоит из семи пунктов. Первый из них гласит: «Европейский вектор развития, основанный на ценностях демократии, прав человека, правового государства и неприкосновенности частной собственности, не имеет альтернативы для России. Курс Владимира Путина на международную изоляцию России и конфликт с западным миром противоречит национальным интересам нашей страны»³. Кандидат от альтернативистов предлагает сделать ставку на демополизацию экономики и европейский выбор России, причем в последний прямо включен вопрос о выходе из украинского кризиса и вопрос о Крыме.

Вопрос: как управлять страной в условиях активизации альтернативной власти, не разделяющей основной курс правительства и президента? Как понять, где действительно свободное волеизъявление альтернативистов, а где искусственно сформированное «майдаанными» технологиями действие? И какую стратегию управления публичной политикой выбрать в обоих этих случаях?

Ответить на эти вопросы сложно, но попробовать можно, и начать надо с теоретического обоснования природы альтернативной публичной власти.

Природу альтернативизма, альтернативных мнений, альтернативных движений и, как следствие, альтернативной власти, возникающей в результате складываемого параллелограмма личностных и групповых интерпретаций действительности, помогает лучше прояснить философия конструктивного альтернативизма. Она была сформулирована Джорджем Келли в его книге «Психология личностных конструктов» (*The Psychology of Personal Constructs*) в 1955 г. Философское положение Келли о том, что на объективную реальность можно посмотреть с разных точек зрения, подразумевает, что люди способны к пересмотру или изменению своей интерпретации событий, создавая, таким образом, индивидуальные модели реальности⁴. В конструктивном альтернативизме в принципе не рассматриваются абстрактно правильные или неправильные интерпретации сигналов внешней среды. Все гипотезы, позволяющие адекватно взаимодействовать со средой, имеют право на существование. *Приемлемость гипотезы определяется не степенью приближения модели к «оригиналу», а ее эвристической ценностью.* Отсюда вытекает и другое положение: «Все наше современное толкование мира нуждается в пересмотре или замене»⁵. Идея Келли о том, что ученые, как и любые люди, активно конструируют интерпретацию мира, резко контрастирует с конвенциональной идеей, что ученые каким-либо образом «открывают» или «раскрывают» кусочки абсолютной истины, которые ожидают их, как если бы мир был «заброшенным памятником». Подход, согласно которому познать абсолютную истину Вселенной можно, механически собрав, как в калейдоскопе, отдельные фрагменты, Келли описал как «аккумулятивный фрагментаризм» и рассматривал его в качестве предпосылки, антагонистической его собственному подходу⁶. Несмотря на то что когнитивная теория личности была рассчитана на применение в психотерапии, ее выводы могут использоваться и при анализе политической деятельности, в нашем случае — явления альтернативной власти.

Альтернативизм как протест против развитой индустриальной цивилизации — царства комфортабельной, умеренной демократической несвободы — наиболее ярко проявил себя во время студенческих выступлений в Европе в 1968 г. под лозунгом «Запрещаем запрещать!». В 60–70-е годы западные теоретики молодежного движения, такие, как Ч. Рейч, Т. Роззак, О. Н. Браун, П. Гудмен, Г. Маркузе и др., утверждали, что к новой, «нерепрессивной цивилизации» способна привести не политическая, не социальная, а духовная революция, революция сознания, революция переоценки ценностей — культурная революция.

Они призывали молодежь, нередко трагически порвавшую с семьей, вузом, привычным образом жизни, не сидеть сложа руки, а создавать вместе с близкими им по духу людьми новую культуру — контркультуру, альтернативную современной, основанную на иных, гуманистических началах, создавать коммуны, устанавливать новый стиль жизни, новые отношения между людьми: вместо вражды и агрессивности — взаимопомощь, взаимовыручку, взаимоподдержку, вырабатывая новые нормы отношений, новые ценности, формируя таким образом гражданское общество.

В Советском Союзе в 1960-е годы тоже был всплеск альтернативных соображений интеллектуалов относительно духовной жизни общества. Именно в это время в 1965 г. выходит культовый фильм кинорежиссера Марлена Хуциева «Мне двадцать лет» (фильм снимался по сценарию Геннадия Шпаликова с первоначальным названием «Застава Ильича»), направленный против серой повседневности жизни, где молодежь размышляет о смысле жизни и противопоставляет себя старшему поколению. Он стал символом «эпохи оттепели». Подтекст этого фильма наиболее очевиден с течением времени. Советская интеллигенция 60-х годов, уже испытывающая разочарование в коммунистической идеологии, хорошо понимала западных критиков общества потребления и вслед за Э. Фроммом провозглашала первенство «быть» по отношению к «иметь».

Однако контрреволюция, или антикоммунистическая революция, 90-х годов XX в. уже через 30 лет привела к власти либеральных догматиков, которые полностью капитулировали перед ценностями потребления и «моралью личного успеха». При этом всех выразителей постматериальных ценностей — прежде всего городскую интеллигенцию, профессионально связанную с наукоемким производством и институтами информационного общества, — объявили приверженцами общинного традиционализма и тоталитарного коллективизма. Об этом интересно и глубоко размышлял незадолго до смерти в конце 1990-х — начале 2000-х годов профессор Московского государственного университета, известный философ А. С. Панарин. Он развивал альтернативную идею духовного противопоставления деградировавшей власти в своей книге «Искушение глобализмом». Анализируя состояние умов и расклад сил в России после распада СССР и разрушения коммунистической системы, он писал, что «с началом либеральных реформ начался реванш потребительских ценностей над непотребительскими. Как характерна при этом та поспешность, с которой новые идеологи объявили потребительскую мораль единст-

венной современной, а всех ее оппонентов зачислили в разряд агрессивного традиционализма. Конечным итогом новейшей культурной революции, скорее всего, станет еще не виданный обвал. И на фоне этого гигантского обвала ценности индивидуалистической морали успеха покажутся столь утопичными и иллюзорными, что большинству их нынешних адептов останется только изумляться собственной доверчивости. Новую революцию сознания, связанную с возрождением постматериальных ценностей, возглавят не “изначально проницательные” зачинщики альтернативных движений шестидесятиничества и их прямые продолжатели, а разочарованные и обманутые адепты сегодняшнего либерального мифа. Они не простят нынешним “учителям раскованности” ни своих иллюзий, ни тем более того, чем за них пришлось впоследствии уплатить. Таким образом, революция постматериальных ценностей обещает быть очень радикальной и непримиримой — поскольку питаться она будет энергетикой обиды и отчаяния»⁷. Таков прогноз одного из ярких мыслителей нашего времени. На его взгляд, главной мишенью новых альтернативистов станет нынешняя идеология либерализма с ее скандальными призывами «не стесняться». «Классические ценности демократического модерна, по-прежнему воодушевляющие умы и сердца, предстоит отбить у либералов и насытить новым содержанием». Но это в будущем.

Если же вернуться к вопросу об управлении публичной политикой в условиях активизации нынешней альтернативной власти, то вначале нужно понять, кто она, чтобы потом ответить на вопрос, как публичной политической власти с ней взаимодействовать. Здесь может быть три стратегии поведения в управлении:

- не сотрудничать с альтернативной властью, арестовывать за беспорядки, дезавуировать наиболее ярких лидеров;
- не сотрудничать, давить на общественное мнение с помощью «отзеркаливания» — организации параллельного альтернативного процесса за, а не против политики публичной политической власти;
- сотрудничать с альтернативистами, добиваясь компромиссных решений.

Проблема, однако, состоит в том, что в постиндустриальном обществе власть носит рассредоточенный, фрагментарный характер. Противостояние классов уступило место «демократическому плюрализму» различных общественных сил. Вопрос: с кем и как взаимодействовать?

Вначале — об альтернативном движении и оппозиции, которые часто смешиваются друг с другом. Сразу после публичной «переуступки власти» Д. А. Медведева В. В. Путину на съезде «Единой России» 24 сентября 2011 г. начался массовый оппозиционный митинг в социальных сетях в Интернете. Выступить против «партии жуликов и воров» (по определению политического блогера Алексея Навального) призывали «Живой журнал», *Facebook* и *Twitter*. Кроме призывов сопротивляться, началась регистрация «протестантов», возник конкурс креативных идей для протестов в рамках закона, появились живые картинки с митингов. Накануне выборов в Госдуму начались митинги «За честные выборы!». После выборов в Госдуму — под лозунгом «У нас украли наши голоса!».

Динамика протестной активности и действия публичной власти выглядели так.

Первая волна протестов (декабрь 2011 г.): выступления альтернативистов сразу после выборов в Государственную думу РФ с требованием пересчета голосов и проведения перевыборов в парламент. Настроение протестантов романтическое. Настроение власти — растерянное бездействие.

Вторая волна протестов (февраль 2012 г.): подготовка к выборам президента РФ, когда властью стала использоваться тактика «отзеркаливания» протестов. Инициатива проведения митингов перешла к силам, поддерживающим кандидатуру В. В. Путина и итоги выборов в нижнюю палату парламента. Цель — помешать Путину стать президентом. Настроение оппозиции — разочарованно-озлобленное. Настроение провластных сил — мобилизационное. Цель — легитимация итогов выборов.

Третья волна протестов (март 2012 г.): выступления провластных и оппозиционных сил сразу после выборов президента РФ, где победил Путин. Тактика «отзеркаливания» провластными силами действий оппозиции продолжается и имеет поддержку в массах. Наблюдается попытка оппозиции перехватить инициативу. Ее цель — смена власти. Настроение — длительная борьба. Настроение у власти — наступательное. Цель — стабилизация ситуации, попытка объединить народ.

Четвертая волна протестов (май—июнь 2012 г.): использование оппозицией креативных форм протеста, провокации с целью обострить ситуацию (использование судебного процесса над участником панк-молебна в храме Христа Спасителя с целью привлечь внимание к недовольным властью в связи со спадом интереса людей к итогам выборов). Цель оппозиции — продолжить борьбу за смену

власти. Лозунги — антипутинские. Настроение — приподнято боевое. Цель власти — консолидация общества под лозунгом «Путин — президент всех россиян». Настроение — сосредоточенно-рабочее: «Выборы прошли — забудьте».

Нынешняя ситуация отличается от той, которая была два года назад. Еще два года назад среди ярких критиков власти наиболее известной была партия РПР-ПАРНАС, которая собиралась сконцентрировать основные либеральные голоса россиян. Однако последние события, среди которых — убийство сопредседателя РПР-ПАРНАС Бориса Немцова, уход в 2014 г. из партии одного из ее лидеров и основателей, наиболее трезвомыслящего Владимира Рыжкова, дискредитирующие выступления еще одного сопредседателя партии и экс-премьера страны Михаила Касьянова в конгрессе США, поставили большой крест на этом проекте. Публичной власти практически не с кем вести диалог. Российское общество не доверяет Михаилу Касьянову. Ни в одном из опросов россиян за эти годы он не смог достичь популярности даже 5%.

Самым успешным политиком с точки зрения альтернативных проектов в либеральной среде все последние годы остается дважды осужденный глава Фонда борьбы с коррупцией Алексей Навальный, занявший осенью 2013 г. второе место на выборах столичного градоначальника, с показателем 27,24%. Еще одним внесистемным тяжеловесом остается Геннадий Гудков, в 2011 г. активно поддержавший протестные митинги и, как отмечают многие эксперты, принесший благодаря этому партии эсеров неожиданно высокий процент голосов на парламентских выборах. Сейчас Гудков-старший прекратил участие в проекте эсеров, после скандала со своим бизнесом покинул Госдуму и вошел в политический проект «Альянс зеленых и социал-демократов».

Но оба они морально скомпрометированы обвинениями в незаконном ведении бизнеса. Такова нынешняя тактика современной публичной политической власти в отношении альтернативистов и оппозиции. Пока она позволяет стабилизировать политическую ситуацию в стране.

Примечания

¹ Сопредседателями ФНС были утверждены: С. Н. Бабурин, Н. А. Павлов (оба — Российский общенародный союз), Г. А. Зюганов (Координационный совет народно-патриотических сил), И. В. Константинов (РХДД), М. Г. Астафьев (КДП-ПНС), В. А. Иванов (Партия возрождения), В. Б. Исаков, Г. В. Саенко (оба — Российское единство) и А. М. Макашов (РКРП). В утвержденный Политсовет ФНС на организа-

3.3. Процесс разработки стратегии развития крупного города...

ционный период вошли, кроме сопредседателей, лидер движения «Союз» В. И. Алкснис, председатель НРПР Н. Н. Лысенко, публицист Э. Ф. Володин, редактор «Дня» А. А. Проханов, депутаты А. М. Тулеев, С. З. Умалатова, С. П. Горячева, председатель Аграрного союза М. И. Лапшин, прокурор В. И. Илюхин, репортер А. Г. Невзоров, писатели В. Г. Распутин, В. И. Белов и С. Ю. Куняев, академик И. Р. Шафаревич и другие деятели (всего 55 человек). Соглашение о поддержке было подписано также представителем РХДД В. В. Аксючицем, лидером ленинской платформы РКРП Р. И. Косолаповым и председателем Русского национального собора А. Н. Стерлиговым, однако эти организации формально отказались вступить в ФНС. Позднее председателем исполкома организации был избран сопредседатель-координатор оргкомитета Илья Константинов, его заместителями стали М. В. Шмаков (РПНВ) и В. В. Акимов (руководитель группы экспертов Федерации независимых профсоюзов России). Это был первый в истории России и непродолжительный союз «кра-сных» и «белых».

² Новая газета. 2015. 15.06.2015.

³ Меморандум о политических позициях партии «Яблоко». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://yablok.ru/blogs/memorandum-partii-yabloko/4428582>.

⁴ Келли Дж. Теория личности: психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.

⁵ Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Когнитивные науки: от познания к действию. М.: КомКнига, 2005.

⁶ Kenny Vincent. An Introduction to the Personal Construct Psychology of George A. Kelly // Irish Journal of Psychotherapy. Vol. 3. No. 1. March 1984.

⁷ Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Алгоритм-книга, Эксмо, 2003.

3.3. Процесс разработки стратегии развития крупного города как инструмент публичной политики

В современном мире крупные города во все большей степени становятся центрами преимущественного развития: соответственно, возрастают их роль и значение в процессе определения и реализации политики, выделения основных стратегических направлений развития систем более высокого порядка: регионов, государств, макрорегионов, включающих в ряде случаев территорию различных национальных государств¹. Мировая сеть городов способна выступать и как самостоятельный политический актор, в том числе в связи с концентрацией в городах и крупных городских агломерациях больших массивов населения, гетерогенного по составу, включающего различные группы интересов. Она способствует распространению лучшей практики управления и другого позитивного для развития опыта, накопленного в различных точках земного шара.

В данном материале проводится анализ трех фундаментальных категорий политической науки — *policy*, *politics* и *polity* — в проекции на процесс разработки и реализации стратегий развития крупных городов,